

факта, что я не имею достаточной духовной силы, чтобы разобраться в спутанных „для красоты“ только, только художественно символах Розы и Креста. Конца судьбы Бертрана я продолжаю не знать...» (21 ноября 1912 г.).

«Нет, в теперешнем моем состоянии (жесткость, угловатость, взрослость, болезнь) я и не умею и не имею права говорить больше, чем о человеческом. Моя тема — совсем не „Крест и Роза“ — этим я не овладею. Пусть будет судьба человеческая, неудачника, и, если я сумею „умалиться“ перед искусством, может мелькнуть кому-нибудь сквозь мою тему — большее. То есть: моя строгость к самому себе и „скромность“ изо всех сил могут помочь пьесе — стать произведением искусства, а произведение искусства есть существо движущееся, а не покоящийся труп» (1 декабря 1912 г.).

Строгий исследователь должен, очевидно, заметить, что:

1) оба высказывания сделаны до начала работы над третьей редакцией (до 8 декабря 1912 г.), в корне изменившей пьесу;

2) отвергнув предложение жены, автор «продолжает не знать» конца судьбы Бертрана;

3) *Святая Роза* все-таки вошла в окончательный текст и заняла там свое вершинное место;

4) есть значительная разница между первым и вторым высказываниями Блока: в первом более решительно отвергается сама возможность обращения к мистической символике, тогда как во втором автор позволяет своему будущему читателю и зрителю увидеть больше, нежели дано на поверхностном слое, — там, где символы Креста и Розы спутаны «для красоты»;

5) в обоих высказываниях настойчиво повторяется мысль о необходимости суровой взыскательности, строгости к себе и скромности «до умаления» — а это черты и принципы, развиваемые членами тайного братства розенкрейцеров. К тому же в одном из объяснений 1915 г. Блок прямо говорит о «христианской любви» Бертрана и ее воздействии на Изору: он «умер за нее как христианин, открыв для нее своей смертью новые пути» [2, т. 4, с. 530].

Необходимо также помнить, что Блок не считает нужным объяснять «тайнопись» своих творений: имеющий ухо да слышит. И хотя драму «Роза и Крест» он снабжает множеством сопроводительных материалов, педантично называет все источники, разъясняет общий смысл внешних событий, обстановки, характеров, он, по сути дела, лишь дает отдельные намеки на тайный смысл, который в драме «Роза и Крест» составляет подводную часть айсберга.

Кроме того, как истинный страж чести и тайны он не выдает «секретов братства профанам» и осуждает ставшие модными в это время спекуляции на мистических учениях древности, бесцеремонное внедрение их в жизнь. Так, объектом его критики становится Р. Штейнер: «Скверная демократизация своего учения; высасывание „индивидуальностей“. Подозрение, что он был в ордене (Розенкрейцеров) и воспользовался полученным там („изменник“»)» (Дневник, 20 января 1913 г.).

Среди значений Розы, перечисленных во Второй тетради подготовительных материалов, названо следующее: роза — символ тайны — подвешивалась над столом в знак того, что собравшиеся должны хранить тайну. Особенно у германцев XV—XVI вв., откуда пошло выражение *sub rosa, under Rosen*. Блок приводит старинные стихи, написанные на потолке в посвянительной зале, из книги С. Joret

La Legende de la Rose au Moyen Age:

Was wir all hier thun Kosen,

Das bleibe unter der Rosen.

[4, л. 290 об.].

Ясно, что драма под именем Розы, а тем более Розы и Креста должна была содержать тайну.